

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ИСАЕВ М. И., ТОКАЗОВ Х. А.

ОСЕТИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И ЗАДАЧИ

Осетинское языкознание достигло вполне зрелого, двухвекового возраста. С этой вершины можно окинуть его взглядом, чтобы наметить основные вехи осетиноведения и указать на перспективные пути его дальнейшего развития.

Со времени появления первых значительных сведений об осетинах и их языке (конец XVII в.) ученые не прекращают своих занятий в области осетинского языка. Не прерывается и преемственная традиция в их работах.

Историю осетиноведения можно разделить на четыре основных этапа, три из которых приходятся на дореволюционный период, а последний, наиболее содержательный, охватывает советскую эпоху.

Первый, начальный этап осетиноведения характеризуют сведения об осетинах и их языке, имеющиеся в сочинениях путешественников XVII—XIX вв.: Николаса Витсена Иоганна Антона Гюльденштедта, Якоба Рейнеггса, Юлиуса фон Клапрота [1]. Значение их сочинений заключается в том, что они зафиксировали языковой материал определенной исторической эпохи, изучение которого важно для истории такого по существу младописьменного языка, каким является осетинский.

Что касается начала подлинно научного изучения осетинского языка, то оно связано с именем русского академика Андрея Шегрена (1794—1855), чей классический труд «Осетинская грамматика (с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским)» [2] составил целый период (второй этап) в истории осетиноведения. Основоположник осетинского языкознания А. М. Шегрен, являвшийся также одним из крупнейших финноугроведов XIX в., начал заниматься осетинским языком в середине 30-х годов XIX в. Ученый провел на Кавказе около двух лет. Его занятия осетинским языком проходили не только во Владикавказе, но и во многих аулах и селениях Осетии. Сначала А. Шегрен исследовал иронский (в его терминологии — «тагаурский») диалект, затем дигорский.

Ученый благодаря интенсивным занятиям в совершенстве усвоил осетинский язык по двум основным диалектам: иронскому и дигорскому. Собрал по ним колоссальный языковой материал, вошедший в его «Осетинскую грамматику», вышедшую из печати в 1844 г.

Грамматика А. Шегрена, ставшая ныне библиографической редкостью, представляет собой большой том в 380 страниц. В книге подробнейшему анализу подвергаются все стороны языка: фонетика, морфология, синтаксис. При исследовании фонетики осетинского языка Шегрен уделил большое внимание вопросу об осетинском алфавите, который не раз ставился еще до него, но так и не получал удовлетворительного решения. Проблема осетинского алфавита была решена А. Шегреном, который в своей Грамматике предложил алфавит, основанный на русской гражданской азбуке. Как объясняет сам автор, он остановил свой выбор на последнем, главным образом приятная во внимание «будущую судьбу осетин». В этом большая заслуга А. Шегрена, правильность решения которого подтвердила и последующее развитие осетинского алфавита.

Используя несколько усовершенствованный алфавит Шегрена, великий осетинский поэт Коста Хетагуров (1859—1906) заложил основу осетинской литературы и осетинского литературного языка. Определенное удовлетворение результатами своего труда получил и сам автор. «Я имел

удовольствие, — писал он, — оставить Кавказ с тем внутренним убеждением, что успел сделать все, что мне было только возможно, и в исходе 1837 года возвратился в Петербург, совершенно лишенный зрения на поврежденном глазе и почти с отмороженными от жестокой зимы на обратном пути конечностями, но обогащенный изобильными и по возможности достоверными материалами к пространному грамматическому изложению осетинского языка по двум его наречиям, тагаурскому и дигорскому» [2, с. XIII—XIV].

Как показал дальнейший ход истории, целый ряд не только научных, но и практических вопросов развития осетинского языка решены были акад. А. Шегреном правильно. Это прежде всего относится к вопросу становления осетинской письменности. Высоко ценили прогрессивные представители осетинской интеллигенции тот огромный вклад, который внес в развитие культуры осетин А. Шегрен. Например, на большое значение «Осетинской грамматики» указывал замечательный революционный поэт и выдающийся публицист Георгий Цаголов, современник Коста Хетагурова. Он писал, что по справедливости А. Шегрен «должен считаться отцом современного осетинского алфавита», что «по его грамматике изучало свой родной язык старшее поколение осетинской интеллигенции» [3].

Ценность «Осетинской грамматики» А. Шегрена и ныне состоит, в частности, в том, что это наиболее полный и своеобразный памятник осетинского языка середины XIX в., содержащий разнообразный диалектный материал, столь необходимый для исторического изучения языка.

Третий период в истории изучения осетинского языка мы называем «миллеровским этапом», этапом всестороннего изучения осетин, этапом начала исторического и сравнительно-исторического исследования их языка.

Русский академик Всеволод Федорович Миллер (1848—1913) был «вторым корифеем осетинского языкознания», как называет его В. И. Абаев [4]. Являясь одним из крупнейших представителей русской гуманитарной науки конца XIX и начала XX в., он интересовался широким кругом научных дисциплин: сравнительное языкознание и мифология, иранистика и кавказоведение, этнография и археология, история, литература и фольклор. Во всех этих областях он оставил глубокий след своими превосходными исследованиями. Вместе с тем в центре внимания выдающегося ученого была арийская (индоиранская) ветвь индоевропейской семьи языков, научные изыскания в области которой закономерно привели его к иранским языкам народов России. Особую ценность среди них для компаративистики, как известно, представляет осетинский язык. Интерес В. Ф. Миллера к этому языку усугублялся еще и тем обстоятельством, что уже тогда выявилась преемственная связь его носителей с сарматами и скифами, а также аланскими племенами средневековья.

В. Ф. Миллер занимался осетинским языком в основном в самой Осетии, первую поездку куда он совершил в 1879 г. На месте «полевым способом» был собран обширный языковой материал, послуживший основой для первой части его известных «Осетинских этюдов». Для углубления своих познаний в осетинском языке и сбора нового материала ученый приезжал в Осетию в 1880 и 1881 гг. Следующие две поездки на Кавказ состоялись в 1885—1886 гг. В процессе своих пяти поездок на Кавказ В. Ф. Миллер изучал языки, этнографию, фольклор и историю различных народов. Много работ написано им и по кавказским языкам. В то же время основной интерес ученого был связан с осетинами и их языком. Главным трудом В. Ф. Миллера не зря считаются его «Осетинские этюды» (ч. 1 — 1881, ч. 2 — 1882, ч. 3 — 1887), появление которых было выдающимся событием не только для осетиноведения, но и для иранистики в целом. С опубликованием «Этюдов» иранское и, шире, индоевропейское языкознание пополнилось исключительно важными сведениями о происхождении, становлении и структуре такого архаического языка, как осетинский. В этой связи характерно, что труды Миллера получили самую высокую оценку среди его коллег во всем мире.

Исследования Миллера по осетинскому языку в основном носят диахронический характер. Среди них следует выделить «Осетинско-русско-немецкий словарь», к составлению которого ученый приступил с самого начала своей осетиноведческой деятельности. Особую ценность своего лексикологического труда автор видел главным образом в двух основополагающих принципах. Во-первых, словарь должен охватывать материал обоих осетинских диалектов — иронского и дигорского. Это исключительно важно, так как расхождения между ними исчисляются несколькими тысячами лексем. Поэтому, разумеется, материал ни одного из диалектов не мог быть достаточно репрезентативным. Кроме того, у осетин в то время еще не существовало литературного языка, в становлении которого важную роль должна была сыграть лексика каждого из диалектов.

Во-вторых, словарь, по мнению Миллера, должен быть трехязычным ввиду особой ценности осетинского языкового материала для индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.

К сожалению, работа над Словарем затянулась, и позднее, из-за чрезвычайной занятости, Миллер уже не смог уделить ей необходимого времени, в результате чего словарь после смерти автора остался в рукописи (около 8000 карточек), которая поступила вместе с библиотекой Миллера в Азиатский музей Академии наук.

Издание «Осетинско-русско-немецкого словаря» было осуществлено чл.-корр. АН СССР А. А. Фрейманом, благодаря усилиям которого все три тома увидели свет (т. I — 1927 г., II — 1929, III — 1934).

К изучению истории и языка осетин В. Ф. Миллер приступил с конкретной программой: «Мы предполагаем, — писал ученый, — издать ряд материалов и исследований, имеющих целью изучение языка осетин, их эпических сказаний, религиозных воззрений и их прошлого... Какая судьба загнала осетин в нынешние места их поселения, какое воспоминание сохранили они о своем прошлом, какие сведения сохранились о них в исторических документах, каков склад их жизни, каковы их религиозные воззрения, какое место занимает их язык в группе иранских языков, каков современный его строй, на какие наречия он распадается, каковы произведения осетинской поэзии — вот вопросы, которые занимали нас в наших занятиях и на которые мы по возможности старались дать ответ» [5]. Эта впечатляющая программа была реализована в многочисленных трудах ученого, среди которых особое место занимают его «Осетинские этюды», справедливо названные В. И. Абаевым «своего рода энциклопедией осетиноведения». Давая общую оценку трудам В. Ф. Миллера, следует учитывать, что, во-первых, в них окончательно установлен иранский характер осетинского языка, определено его место среди индоевропейских языков вообще и среди их иранской ветви в частности; во-вторых, материал осетинского языка введен в русло сравнительного индоевропейского и иранского языкознания; в-третьих, своими трудами В. Ф. Миллер построил твердый фундамент истории осетинского языка, а также древней истории осетин, осетинской этнографии и фольклористики. К этому надо добавить, что языковой материал, зафиксированный в трудах ученого (особенно тексты), представляет большую ценность для последующих исследований языка, этнографии и устного народного творчества осетин.

Разумеется, отмеченные достижения стали возможными прежде всего благодаря превосходным личным качествам В. Ф. Миллера-исследователя. Он получил хорошую подготовку филолога и лингвиста, глубоко были его познания в санскрите и Авесте, а также в новых иранских языках. Ученый отличался исключительным трудолюбием. Успехам В. Ф. Миллера способствовали и другие, объективные, факторы. Дело в том, что ко времени его занятий осетинским языком (80-е годы XIX столетия) индоевропейское и иранское сравнительно-историческое языкознание достигло уже довольно высокого уровня развития. Исследовательские методы этой дисциплины были уже в достаточной степени отработаны на материале других индоевропейских языков.

Таким образом, задача глубокого сравнительно-исторического изучения осетинского языка, которая была невыполнима во времена Шегрена,

стала осуществимой спустя полвека. Но для этого нужны были определенные личные качества ученого, которыми в столь высокой мере был наделен академик В. Ф. Миллер, чьи труды подняли осетиноведение на огромную высоту, составив новый этап, этап начала исторического и сравнительно-исторического изучения осетинского языка, этап всестороннего изучения осетинского народа.

Четвертый, советский этап осетиноведения также можно характеризовать рядом специфических особенностей. Так, прежде всего бросается в глаза огромное количество появившихся за годы Советской власти осетиноведческих работ (оно в десятки раз превышает число работ, вышедших до революции). Другая особенность данного этапа — отпочкование более специальных научных дисциплин, что, несомненно, служит признаком зрелости всякой науки вообще.

Первоначально происходит размежевание истории и филологии осетин. Вслед за этим определенную «автономию» получает внутри истории осетин этнография. Одновременно осетинская филология распадается на две дисциплины: языковедение и литературоведение. Далее наблюдается определение фольклористики в качестве самостоятельной научной дисциплины, которая занимает, однако, стыковое положение между этнографией, литературоведением, а также языковедением.

Одновременно с увеличением числа осетиноведов в самой Осетии различные проблемы осетинского языка продолжают изучать также в Москве, Ленинграде и Тбилиси, а также в некоторых научных центрах за рубежом.

Характерная особенность нынешнего периода развития осетиноведения заключается и в том, что его стержень и сердцевину составляют многочисленные труды замечательного советского ученого-лингвиста Василия Ивановича Абаева, которому в этом году исполняется 85 лет (именно этой юбилейной датой навеяна главным образом данная статья).

В результате долголетней и неутомимой исследовательской работы В. И. Абаев внес существенный вклад в разные области советского языковедения — теорию этимологических и историко-лингвистических исследований, иранское и индоевропейское языковедение. Но особенно много сделано ученым в области всестороннего изучения осетин [см. 6]. В осетиноведческих трудах Абаева глубокому исследованию подвергаются все основные проблемы осетинской грамматики и лексикологии, а также Цартские сказания.

Ученый с самого начала своего научного пути уделяет большое внимание вопросам осетинской фонетики. В ряде его трудов мы находим детальную разработку закономерностей такого сложного явления, как осетинское ударение. В основе успеха работ исследователя лежит открытие им в осетинском языке так называемого фразового ударения. Эти работы ученого имеют важное значение и для литературоведов, так как являются надежной базой дальнейшего изучения некоторых вопросов стихосложения. В. И. Абаев окончательно устанавливает наличие в осетинском не трех, а четырех рядов смычных (звонкие, глухие, смычно-гортанные и смычные «четвертого ряда»). В результате В. И. Абаев подтверждает и развивает положения, высказанные о последней группе фонем проф. Г. С. Ахведиани. Тонкие наблюдения над смычными согласными дают ясную картину их возникновения и противопоставленности друг другу.

Из достижений В. И. Абаева в области осетинской фонологии следует указать также на его исследование смычно-гортанных. Опираясь на высказывания по этому вопросу, с одной стороны, В. Ф. Миллера, а с другой — Н. Я. Марра, В. И. Абаев изучил случаи употребления в осетинском языке смычно-гортанных фонем *къ*, *пъ*, *тъ*, *цъ*, *чъ*. Ученый показал на конкретном языковом материале, что смычно-гортанные не имеют в осетинском такого распространения, как в кавказских языках, и что «в период формирования осетинского языка они не составляли органического элемента его фонологической структуры. Они входили в язык вместе с кавказской лексикой и лишь постепенно в некоторые некавказские слова. Так как освоение их требовало известных усилий и сопровождалось

напряжением артикулирующих органов, то они стали охотно употребляться для выражения понятий физического усилия и для звукоподражаний соответствующего круга» [7, с. 524]. С ростом числа слов, содержащих смычно-гортанные звуки, последние стали приобретать смысло-различительное значение, т. е. превратились в фонемы осетинского языка.

Много нового можно найти в работах В. И. Абаева по морфологии осетинского языка. В частности, он уточнил системы падежей Шегрена—Миллера.

Много внимания Абаев уделяет осетинской диалектологии, что объясняется исторической направленностью большинства его осетиноведческих исследований. Продолжая линию своих предшественников Шегрена и Миллера, Абаев во всех своих основных трудах параллельно изучает оба главных диалекта — иронский и дигорский, представляющих собой как бы два этапа эволюции одного и того же языка. «Неоценимой сокровищницей для историка осетинского языка, — пишет В. И. Абаев, — является в особенности дигорский диалект. Достаточно сказать, что в области фонетики и отчасти морфологии он отражает нормы, переходные от древнеиранских к современным иронским» [7, с. 360]. В этом плане трудно переоценить материал обоих диалектов не только для истории осетинского языка, но и для выяснения прошлого ряда других иранских языков.

В главном диалектологическом труде Абаева «Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов» систематизируются, обобщаются и получают дальнейшее развитие положения А. Шегрена и В. Миллера по данному вопросу. Автор подвергает тщательному анализу грамматический строй и лексику обоих диалектов. Исследование ведется в сравнительно-историческом плане. К работе приложены тексты на обоих диалектах. Прилагаются также Словарь дигорско-иронских расхождений и Обратный иронско-дигорский указатель, что еще более повышает ценность работы, так как до сих пор нет еще дигорского областного словаря.

Почти полностью принадлежит В. И. Абаеву разработка проблемы кавказского субстрата в осетинском языке. Дело в том, что во времена В. Ф. Миллера осетинский язык рассматривался лишь в аспекте его иранской основы и его современное состояние выводилось исключительно из древнеиранского праязыка. Иностранное влияние на язык осетин сводилось к внешним заимствованиям, которым уделялось незначительное внимание.

В трудах В. И. Абаева предложена новая концепция становления и исторического развития осетинского языка, согласно которой в качестве фактора, определяющего его характер, наряду с иранской основой, рассматривается кавказский субстрат.

Как известно, в ряде исследований 40—50-х годов В. И. Абаев обосновал теорию кавказского субстрата [8, 9]. В результате рассмотрения субстратных явлений в различных звеньях языка ученый пришел к ряду принципиальных выводов, основными из которых являются следующие:

а) в фонетике, морфологии и синтаксисе осетинского языка кавказский субстрат выступает как конструктивный элемент, а не как просто «заимствование»;

б) в лексике осетинского языка кавказский элемент вторгается в основной словарный фонд, что нельзя объяснить иначе, как на почве длительного двуязычия;

в) общенациональные элементы идут преимущественно по иранской линии, а диалектизмы — по иронской. Это может свидетельствовать о том, что иранская речь играла роль межплеменного языка для тех микроэтнических групп, которые составляют кавказский субстрат осетинского народа.

Исследованиями В. И. Абаева в 60-е годы были значительно расширены горизонты понимания исторических путей становления осетинского языка.

Вскрытые в одном из его наиболее значительных трудов «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада» факты привели ученого

к мысли об особой близости осетинского языка к языкам европейского ареала — славянским, балтийским, тохарскому, германским, кельтским. По ряду признаков — лексических, фонетических, грамматических — осетинский язык смыкается именно с этими языками, обнаруживая расхождения с иранскими.

По новой концепции В. И. Абаева, иранский элемент существовал на юге России по крайней мере с начала II тысячелетия до н. э. В дальнейшем эта общность распалась, часть составлявших ее племен двинулась на юг и на восток. Предки будущих скифских племен остались в Европе и в течение ряда веков находились в условиях контактного развития с народами средне- и восточноевропейского ареала. Отсюда и появление разносторонних скифо-европейских изоглосс [10].

Немаловажное значение имеет также предложенная В. И. Абаевым периодизация трехтысячелетней истории осетинского языка. Первый период охватывает I тысячелетие до нашей эры и называется «скифо-европейским». Второй период — «алано-кавказский» — простирается от первых веков нашей эры до монгольского нашествия. Третий период назван «новейшим» и начинается с XV в. Этот период, кроме прочего, характеризуется значительным снижением так называемого «престижного потенциала» осетинского языка, что накладывает свой отпечаток на характер его контактирования с другими языками [11].

Взгляды ученого по различным вопросам осетинской грамматики систематизированы в его «Грамматическом очерке осетинского языка», выдержавшем уже несколько изданий и положенном в основу двухтомного коллективного труда «Грамматика осетинского языка».

Из лексикологических трудов В. И. Абаева прежде всего назовем «Русско-осетинский словарь» (М., 1950), вышедший уже вторым, дополненным изданием (М., 1970). Эта книга явилась необходимым пособием для переводчиков, учителей, журналистов и других работников осетинской культуры. В словаре представлен многолетний опыт решения проблем осетинской синхронной лексикографии.

Однако основное направление лексикологической работы В. И. Абаева носит исторический характер, в связи с чем особо следует сказать о главном труде ученого — «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» [12]. В этом обобщающем труде нашла отражение основные достижения автора в различных областях осетиноведения — фонетике и диалектологии, истории и грамматике, лексикологии языка, а также в нартоведении. Более того, Словарь впитал и то принципиально важное, что содержится в трудах Абаева по общетеоретическим проблемам языкознания.

Словарь В. И. Абаева общепризнанно принадлежит к числу незаурядных явлений в нашей филологической науке. Поэтому его сейчас трудно оценить по достоинству. Подобные фундаментальные труды проходят проверку временем. Но и в процессе появления первых томов специалистам стало ясно, что они имеют дело с выдающимся исследованием новаторского характера. Прежде всего это проявляется в принципах, положенных в основу Словаря.

Существующие этимологические исследования до сих пор опирались на три главных принципа — фонетический, морфологический и семантический, которые в общем обеспечивают значительную достоверность этимологий. Однако Абаев пошел намного дальше и в качестве нового важного принципа выдвинул необходимость учета так называемого «исторического контекста», т. е. реалий, учет которых нередко становится гарантом адекватных этимологических решений. Именно благодаря применению такого комплексного подхода к этимологии Абаеву удалось значительно повысить надежность устанавливаемых им историй слов, а порой исправить промахи, допущенные при объяснении происхождения слов. Скажем, известный норвежский иранист Г. Моргенштерне давал этимологию названия осетинского летнего месяца *амистол*, разделяя это слово на *ами* и *стол*. Для первой части он находил авестийское соответствие со значением «лето», но для второй не нашлось никакого объяснения. Опираясь на реалии, В. И. Абаев предложил совершенно иную этимологию, возведя это слово

к русскому *апостол*, т. е. «месяц апостолов», на который действительно приходится праздник Петра и Павла (29 июня).

Как по основополагающим принципам, так и по построению словарь В. К. Абаева относится к работам новаторского характера. Так, в данном труде впервые в лексикологической практике совмещены элементы пяти разных словарей: двуязычного (осетинско-русского), документированного, этимологического, исторического и реального. Эти пять аспектов, как указывает сам автор, наилучшим образом способствуют выполнению задачи словаря: «Разработка истории осетинской лексики на широкой сравнительно-лексикологической базе; определение как исконного иранского наследия, так и равно субстратных и заимствованных элементов в словарном составе языка» [12, I, с. 5].

Работа над «Историко-этимологическим словарем осетинского языка», над созданием которого автор в одиночестве трудился более полувека, завершена. Из четырех томов три уже вышли в свет, а четвертый находится в печати. Выход каждого из томов восторженно встречен специалистами, о чем свидетельствуют рецензии и многочисленные письма автору от его советских и зарубежных коллег. «Дорогой Василий Иванович! — писал, в частности, чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин. — Великое спасибо Вам за третий том Вашего словаря! Вы один из немногих языковедов, который с полным правом может о себе сказать: „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“. Хочется скорее увидеть окончание труда, нужного всем нам, живущим и будущим поколениям» [6, с. 59].

Существо этой образной оценки основного научного труда В. И. Абаева едва ли можно оспорить. Действительно, вслед за «Осетинской грамматикой» Шегрена и «Осетинскими этюдами» Миллера «Историко-этимологический словарь осетинского языка» становится третьей вершиной осетиноведения, значение которого простирается далеко, охватывая историческую лексикологию других иранских и даже многих индоевропейских, а также кавказских и других языков. Более того, немало ценного найдут в словаре Абаева также историки, этнографы и фольклористы. Несомненно и другое. С завершением этого капитального труда имя В. И. Абаева оказывается в едином ряду имен «корифеев осетиноведения», выдающихся отечественных ученых, академиков А. М. Шегрена и В. Ф. Миллера, с одной стороны, и среди наиболее выдающихся советских филологов-языковедов, с другой.

В ряде своих работ Абаев выступает и как литературовед. Им опубликовано около десяти статей, посвященных наиболее выдающимся осетинским писателям — Коста Хетагурову, Сека Гадиеву, Георгу Малиеву, а также отдельным теоретическим проблемам литературоведения. Методологическая продуманность, глубина анализа и выводов, блестящая форма подачи материала, вполне соответствующая содержанию — сделали эти работы основополагающими в осетинском литературоведении.

Многие теоретические обобщения сделаны ученым на материале иранских языков, чаще всего — осетинского. Однако в некоторых своих работах он выступает и как теоретик общего языкознания.

Так, еще в середине 30-х годов он пишет статьи: «Язык как идеология и язык как техника» [13] и «Еще о языке как идеологии и как технике» [14], которые имели большой резонанс в лингвистических кругах. В них автор, отдавая дань модному в то время и господствующему в языкознании марризму, по существу подверг глубокой ревизии концепцию самого «нового учения». «Мы, — писал Абаев, — не собираемся отнюдь обратиться в замкнутую секту, облюбовавшую себе особую область палеонтологии... Напротив, мы претендуем на всю область лингвистики без исключения. И учение о технизации является одним из выражений этой нашей претензии» [14, с. 7]. В период расцвета марризма, когда всю традиционную лингвистику называли «буржуазной» и отказывались от ее несомненных достижений, В. И. Абаев, непосредственный ученик Н. Я. Марра, отстаивал необходимость использовать все ценное, чего добились представители старой лингвистики. В то же время он стремился в своих работах выйти за рамки, определенные «новым учением» Марра.

Идеи вышеназванных теоретических работ получили дальнейшее развитие в конце 40-х годов. Так, в статье «Понятие идеосемантики» В. И. Абаев останавливается на вопросе о семантике слов, которая представляется ему в двух аспектах. С одной стороны, семантика как общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова. Ее автор называет «малой семантикой», «сигнальной» или «технической». С другой стороны, выделяется семантика «как сумма тех сопутствующих познавательных и эмоциональных представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем, это — „большая семантика“» [15]. Ее автор называет также «идеосемантикой».

Для Абаева-теоретика характерно стремление к методологически четким обобщениям и формулировкам. Но прежде чем перейти к ним, он ищет точку опоры в марксистской диалектике. Его полемическим работам присуща острота и прямая постановка общетеоретических проблем. Известен Абаев как страстный пропагандист марксистской материалистической теории и идейной чистоты советской науки. В частности, он не раз выступал в защиту историзма как одного из основополагающих принципов научного познания. «Историзм, — говорит В. А. Абаев, — может оказаться той основной водораздельной линией, по которой пройдет размежевание между двумя главнейшими направлениями в развитии общественных наук вообще и языкознания — в частности. Отход от историзма характерен для большинства „модернистических“ течений в зарубежной науке. Представители этих течений склонны третируют историзм как устарелый пережиток XIX столетия. Верно, что историзм — порождение XIX века. Марксизм — тоже детище XIX века, и, однако, не видно, чтобы он сколько-нибудь устарел» [16].

Как это нередко бывает в теоретических работах В. И. Абаева, ученый рассматривает конкретные лингвистические вопросы на широком социологическом и методологическом фоне. Существенным недостатком многих публикуемых дискуссионных статей по теоретическому языкознанию он считает как раз то, что в них лингвистические проблемы обсуждаются в отрыве от общей ситуации и идеологической борьбы нашего времени. «Борьба за человека и созданные им ценности, — пишет В. И. Абаев, — против уродливого поклонения силе и военному потенциалу — вот сущность современного гуманизма. Наш век оправдывает себя, если он войдет в историю не только как век атома и космонавтики, но также как век гуманизма и духовного обновления. В противном случае и атом, и космонавтика неизбежно обернутся для человечества катастрофой и самоуничтожением. Техника — слепая сила, которая принесет жизнь или гибель в зависимости от того, будут ли зрячими или слепыми владеющие ею люди. Угрозу человечеству несет не атомная эра, а духовное состояние людей в атомную эру. Сделать людей духовно зрячими — такова задача гуманистического воспитания. И вот тут огромная ответственность ложится на науки, которые по самой своей природе призваны формировать идейный мир человека, — науки общественные. Специфика этих наук состоит, между прочим, в том, что в них познавательные задачи неотделимы от идейно-воспитательных. В наше время последние приобретают особое значение. Участие в гуманистическом воспитании людей становится важнейшим, если не решающим, моментом при оценке любой общественной науки. Антуан Сент-Экзюпери, замечательный французский писатель, очень хорошо сказал: „Быть человеком — значит сознавать свою ответственность“. Мы бы добавили: быть гуманитарием — значит сознавать свою ответственность вдвойне» [17].

Именно со столь определенных мировоззренческих позиций подходит Василий Иванович к решению сложных общетеоретических проблем советского языкознания.

Говоря о многогранной деятельности Абаева-ученого, необходимо особо остановиться на его исследованиях в области фольклористики, точнее, нартского эпоса. И здесь он выступает продолжателем разысканий основоположника отечественного нартоведения В. Ф. Миллера. Ныне Абаев

считается общепризнанным главой советского нартоведения, в чьих трудах получили основополагающее освещение все узловые вопросы нартского эпоса, распространенного наряду с осетинами у ряда других народов, главным образом, адыгских и нахских.

Думается, что вся глубина анализа проблем эпоса, проведенного Абаевым, до сих пор не вполне оценена по достоинству, а некоторыми авторами и не понята. Об этом свидетельствуют, в частности, поверхностные «споры» с Абаевым, к которым прибегают в отдельных книгах их авторы, не затрудняясь изучением самого материала, а пользующиеся цитатами из различных работ.

Наш рассказ об Абаеве-ученом не будет сколько-нибудь полным, если не отметить, какое большое значение он придает языку и стилю своих публикаций. В. И. Абаев проявляет тончайшее чувство как родного, осетинского, так и русского языка. Стиль его работ служит предметом глубокого восхищения не только «рядовых» читателей, но и многих его коллег-ученых. Так, один из крупнейших советских прагматистов проф. Б. В. Миллер (сын академика В. Ф. Миллера) в связи с юбилеем Василия Ивановича писал: «В заключение отмечу, что все работы нашего талантливого юбиляра написаны прекрасным, свободным и красивым русским языком, которым он владеет лучше многих русских лингвистов! Да и не удивительно! Ведь он сын одаренного осетинского народа! Вспомним Коста Хетагурова, тоже замечательно владевшего русским языком!» [6, с. 130].

Личность Абаева-ученого примечательна и во многих других отношениях. Например, хорошо известна его научная добросовестность. Это сказывается и в том, что он всегда дает точную ссылку на работы своих предшественников и коллег. В его историко-этимологическом словаре немало указаний даже на устные источники тех или иных сведений.

Известны также научная принципиальность, исключительное трудолюбие и несокрушимая воля ученого. Именно сочетание этих личных качеств позволило В. И. Абаеву совершить тот научный подвиг, каковым является его бескорыстное служение науке на протяжении шестидесяти пяти лет.

Партия и правительство высоко оценили заслуги В. И. Абаева перед советской наукой — он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, многими медалями, а также Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР; он лауреат Государственной премии СССР 1981 года.

Особенно велик вклад В. И. Абаева в дело культурного строительства в Осетии, что также не раз отмечалось правительством СО АССР. Так, в дни 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции (1957) ему присуждено почетное звание заслуженного деятеля науки Северо-Осетинской АССР. Весьма характерно, что первым лауреатом премии СО АССР им. К. Хетагурова стал именно В. И. Абаев (1965). Ему присуждено также почетное звание заслуженного деятеля науки Грузинской ССР.

Заслуги В. И. Абаева высоко оценены также за пределами нашей страны. Об этом свидетельствует избрание его действительным членом Азиатского Королевского общества Англии (1969) и членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Хельсинки (1973).

Имя В. И. Абаева исключительно популярно среди советских ученых-гуманитариев, прежде всего лингвистов, затем историков, философов, этнографов, литераторов. Характерно, что воздают должное глубине его научных познаний и аргументации даже те коллеги, которые не всегда разделяют его взгляды. Велико уважение к ученому среди научной интеллигенции народов нашей страны, отдельными вопросами истории, культуры и языков которых он занимался. Но особенное уважение и трогательную любовь к Абаеву проявляет осетинский народ, который обнаруживает в нем многие сходные черты с другим своим великим сыном — Коста Хетагуровым. И это неудивительно, ведь Васо Абаев (как любовно называют ученого на родине) весь свой яркий талант, всю свою могучую энергию исследователя, всю свою пламенную любовь, всего себя

посвятил изучению и дальнейшему развитию истории, культуры и языка скифов—алан—осетин!

Судьба Абаева — выходца из горской бедноты, достигшего высочайших вершин современной науки — является убедительным свидетельством того, какие возможности открыты в нашей стране перед представителями всех национальностей для раскрытия их творческих способностей и таланта. Вместе с тем она говорит о том, что путь к вершинам науки не усеян розами, а сопряжен с необходимостью проявления воли, принципиальности и исключительного трудолюбия.

Труды А. Шегрена, В. Ф. Миллера и В. И. Абаева составили прочный фундамент осетиноведения, в развитие которого немалый вклад внесли и вносят также другие ученые.

Много лет посвятил исследованию осетинского языка один из крупнейших советских иранистов чл.-корр. АН СССР проф. А. А. Фрейман, подготовивший к печати «Осетинско-русско-немецкий словарь» В. Ф. Миллера. Отдельные вопросы языка освещены в его других иранистических работах. Значительны заслуги А. А. Фреймана как руководителя иранской кафедры Ленинградского университета, подготовившей немало специалистов-языковедов из числа осетин.

Различные аспекты осетинского языка затрагивает в своих работах проф. Ленинградского университета чл.-корр. АН СССР М. Н. Боголюбов. Ленинградский иранист В. С. Соколова впервые в советской науке опубликовала работы по осетинской фонетике, основанные на экспериментальном изучении звуков речи [18]. Эти исследования послужили надежной базой для дальнейших занятий осетинской фонологией. Проблемами осетинской эпиграфики успешно занимается проф. Г. Ф. Турчанинов.

Значительный вклад в изучение осетинской фонетики внес проф. Тбилисского университета чл.-корр. АН СССР Г. С. Ахвледиани [19]. Опираясь в основном на речь южных осетин, Г. С. Ахвледиани в своих работах исследует вопросы истории, фонетики и диалектологии осетинского языка. Немало сделано им и для подготовки осетиноведческих кадров. Заслуги Г. С. Ахвледиани в области осетинского языкознания высоко оценены правительством и общественностью Осетии, что выразилось, в частности, в присвоении ученому почетного звания заслуженного деятеля науки Северо-Осетинской АССР.

В Тбилиси активно работает группа его учеников — М. К. Андроникашвили, О. Г. Тедеева и др.

После Великой Октябрьской социалистической революции в Осетии наблюдается рост национальных научных кадров, занимающихся изучением своего языка, фольклора, истории и этнографии края. Историческим событием в культурной жизни осетин явилось открытие в 1925 г. Осетинского научно-исследовательского института краеведения, который, как и Педагогический институт в г. Орджоникидзе, развернул широкую подготовку национальных кадров.

У колыбели осетинской филологической науки суждено было стать старейшим осетинским профессорам Б. А. Алборову, Гр. А. Дзагурову, О. Н. Туаевой и некоторым другим энтузиастам, благодаря научной и научно-организаторской деятельности которых во многом стали возможными позднейшие успехи осетиноведения.

Другая сфера деятельности, выпавшая на долю первых национальных кадров осетиноведения, — это всемерное служение делу культурного строительства Осетии. Всенародная социалистическая культурная революция потребовала срочного составления учебников, развития письменности, словарной и терминологической работы. Большая и незамедлительная филологическая помощь требовалась также молодым осетинским писателям. Кроме повседневной культурно-организаторской деятельности, осетинские филологи вели большую научную работу.

В первые десятилетия Советской власти по различным вопросам осетинской филологии были написаны десятки работ, печатавшихся главным образом в «Известиях Северо-Осетинского НИИ», «Ученых записках Северо-Осетинского государственного пединститута» и «Известиях Юго

Осетинского НИИ». После реорганизации Осетинского научно-исследовательского института в 1930 г. и образования в нем специального отделения осетинского языка лингвистическая работа в Осетии получила новый импульс. Расширяется деятельность филологов и по другим линиям: созданию учебников, терминологической работе и т. д.

Заметный рост осетинского языкознания наблюдается в послевоенный период. Наряду с названными выше первыми осетинскими учеными к исследовательской работе подключились их бывшие ученики Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. К. Багаев, Н. Х. Кулаев, а позднее также А. Дз. Цагаева, Т. А. Гуриев, Т. З. Козырева, З. С. Тлатова, А. А. Гутиева и др. Осетиноведение обогащается книгами по различным проблемам языкознания, истории осетинского письма, школьными и описательными грамматиками, словарями, по отдельным разделам осетинской грамматики и т. д. В Юго-Осетинской АО изучением осетинского языка занимались или занимаются А. А. Тибиллов, Д. Г. Бекоев, А. Х. Бязров, Н. Я. Габараев, З. Д. Цховребова, З. А. Битарова, Ф. Д. Техов и др. Они успешно разрабатывают различные вопросы истории, структуры, диалектологии и развития осетинского языка.

Определенный вклад внесли в разработку осетинского языкознания и наши зарубежные коллеги. Среди них прежде всего можно назвать имена известных венгерских ученых Б. Мункачи, Я. Гарматты и Ю. Нсмета, норвежских лингвистов Г. Моргенштерне, Г. Фогта и Ф. Тордарсона, английских иранистов Г. Бэйли, И. Гершевича и Е. Моррисон, виднейшего французского кавказоведа Ж. Дюмезиля, иранского ученого М. А. Касеми и др. Отдельные вопросы осетиноведения затрагивают Л. Эгуста, а также К. Боуда, Е. Леви, Д. Герхардт и некот. др. (подробнее см. 20).

Достигнутый в трудах названных ученых уровень осетиноведения несомненно высок. Но перед осетинским языкознанием ныне стоят новые задачи, решение которых явно назрело.

В этой связи прежде всего хочется сказать о многотомном толковом словаре осетинского языка, работа над которым началась в Юго-Осетинском НИИ более двадцати лет тому назад, однако продвигается до обидного медленными темпами. Для выполнения этого большого и необходимого труда ныне имеются все условия и нужно пожелать составителям словаря скорейшего его завершения.

Лингвистами Северной Осетии планируется работа над осетинско-русско-английским словарем, выход которого может иметь не только научное, но и практическое значение. Осетиноведы заняты также многочисленными вопросами, связанными с орфографией, терминологией, составлением учебников и различных пособий для средних школ и вузов. Однако перед ними стоят и задачи, еще не числящиеся пока в исследовательских планах. Одна из безотлагательных задач — составление диалектологического атласа Осетии: миграция населения все больше затемняет диалектологическую картину, так необходимую для дальнейшей разработки истории языка.

Долгом осетиноведов все еще остаются различные аспекты изучения языка осетинских писателей разных поколений, особенностей разных стилей языка художественной литературы вообще.

Практика культурного строительства выдвигает перед осетиноведами также немало социолингвистических проблем языковой жизни осетинской нации. К ним прежде всего можно причислить вопросы становления и развития осетинского литературного языка, осетинско-русского двуязычия, культуры родной речи, а также русской речи у осетин.

Думается, что в настоящее время существуют необходимые объективные условия для выполнения стоящих перед осетиноведами задач. В этом, по-видимому, им в значительной степени поможет усиление координации своей работы. Кроме того, местные кадры ученых, как всегда, нуждаются в действенной помощи со стороны академических лингвистических центров. Эта помощь всегда оказывается, в частности, Сектором иранских языков Института языкознания АН СССР, а также ленинградскими и грузинскими

иранистами. Большим подспорьем в работе осетиноведов (как и иранистов вообще) является возможность получения в высшей степени квалифицированной консультации у старейшины современной иранистики Василия Ивановича Абаева, чья неутомимая исследовательская деятельность продолжается вот уже седьмой десяток лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осетны глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967, с. 71 и сл., 302 и сл.
2. *Шегрен А.* Осетинская грамматика. СПб., 1844.
3. Газета «Терские ведомости», 1915, № 240.
4. *Абаев В. И.* История изучения осетинского языка в России и СССР. Дореволюционный период. — В кн.: Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1982, с. 86.
5. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. I. М., 1881, с. 3.
6. *Исаев В. И.* Васо Абаев. Орджоникидзе, 1980.
7. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л., 1949.
8. *Абаев В. И.* О взаимоотношении иранского и кавказских элементов в осетинском. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.—Л., 1949, с. 109 и сл.
9. *Абаев В. И.* О языковом субстрате. — ДСИЯ, 1956, т. IX.
10. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965, с. 5 и сл.
11. *Абаев В. И.* Значение ареальных контактов в истории языка. — В кн.: Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, с. 6.
12. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979.
13. *Абаев В. И.* Язык как идеология и язык как техника. Когда семантика перерастает в идеологию. — В кн.: Язык и мышление. II. Л., 1934.
14. *Абаев В. И.* Еще о языке как идеологии и как технике. — В кн.: Язык и мышление. VI—VII. Л., 1936.
15. *Абаев В. И.* Понятие идеосемантики. — В кн.: Язык и мышление. XI. Л., 1948, с. 15.
16. *Абаев В. И.* Об историзме в описательном языкознании. — В кн.: О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960, с. 56.
17. *Абаев В. И.* Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания. — ИАН СЛЯ, 1973, № 6, с. 525.
18. *Сокколова В. С.* Очерки по фонетике иранских языков. Вып. 1. М.—Л., 1953, с. 5—58.
19. *Ахаледзиани Г. С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. I. Тбилиси, 1960.
20. *Исаев М. И.* Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе 1974, с. 92 и сл.